

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ПЕТЕРБУРГ. Марсово поле. Крупным планом - круглый желтый дом на углу с Мойкой. Через старинную арку вход в классический питерский двор-колодец. Каменные подворотни, ступенечки, дубовые двери, звонки с фамилиями жильцов. Камера кружит по двору, скользит мимо мусорных баков... Стоп! Найдена нужная дверь. Здесь живет кинорежиссер Алексей Герман.

Звонок. Выходит хозяин - полный, похожий на сенбернара добряк лет пятидесяти. Одет в тренировочные штаны.

- Заходите, заходите, - приветливо басит он. - Кофе дам, и бутербродов, и всего остального. Только давайте передачу посмотрим.

По длинному коридору Герман и журналистка проходят в маленькую кухню без окон. Садятся у круглого столика, заставленного чашками.

Герман вздыхает: - Ну вот, кофе сейчас сделаю. Или нет, пусть Света - это моя жена, у нее лучше получается.

Любовытная журналистка: - От чего оторваться не можете, Алексей Юрьевич?

- От Познера. Нас со Светланой попросили сняться в его программе. Мы согласились при условии, если я задам определенный вопрос и его оставят в передаче. И специально пошл спросить: куда они дели Солженицына? Как получилось, что его прогнали с телевидения?

Журналистка скептически: - Вам так понравились его выступления?

- Сейчас объясню. Я согласен, что Александр Исаевич говорил, может быть, не самые необходимые вещи. Ну, вот про земства... Какие такие хорошие люди пойдут в земства? Начальник милиции, бывший секретарь райкома, новая администрация из новых коттеджей красного кирпича, обязательно местный бандит... Оставшиеся люди, умные опять составились сидеть дома!.. Но Солженицын, хоть говорит для нас сейчас наивно, что-то предлагает на будущее. А мы такие быстрые - только мало что получается!.. Послушайте, Лев Толстой под старость тоже говорил не самые мудрые вещи, однако никому не приходило в голову сказать: "Что-то дедушка с бородой совсем сбрендил. Давайте его прогоним!.." Солженицын - великий писатель. А Благоевлин в справочниках будущего останется одной строкой: "Чиновник гостелевидения, прогнавший с экрана Солженицына..." Может быть, кому-то было бы веселей, если б этого не было. Но это так... И когда только большое начальство научится определять свое место в истории?... (Вздыхает.) Так про что говорить будем? Опять, что ли, про умирание кино?

Журналистка проникновенно: - Что, совсем надоело?

Герман: - Да нет... Я просто как представляю, что, отбомбив всю неделю на съемочной площадке, я должен говорить банальности об умирании кино... Есть искусство - нет умирания. И наоборот. Вот и вся мудрость... (Вздыхает.) У нас сейчас последние съемки!..

Журналистка: - А-а-а! Исторический фильм "Хрусталева, машину!", который вы седьмой год снимаете?

Герман, возмущившись: - Ну если точно, четвертый! Мы, дорогая моя, три четверти времени стоим. Месяц-полтора снимаем - и опять в простой. Снимаем сцену - два героя едут на тракторе. Приходит на съемку директор: извините, Алексей Юрьевич, трактор забираем - долги-с. Первую половину фразы сняли, а вторую половину этой же фразы снимаем через семь месяцев... Хоть стой - хоть вой!

Герман, возмущившись: - Ну если точно, четвертый! Мы, дорогая моя, три четверти времени стоим. Месяц-полтора снимаем - и опять в простой. Снимаем сцену - два героя едут на тракторе. Приходит на съемку директор: извините, Алексей Юрьевич, трактор забираем - долги-с. Первую половину фразы сняли, а вторую половину этой же фразы снимаем через семь месяцев... Хоть стой - хоть вой!

Герман, возмущившись: - Ну если точно, четвертый! Мы, дорогая моя, три четверти времени стоим. Месяц-полтора снимаем - и опять в простой. Снимаем сцену - два героя едут на тракторе. Приходит на съемку директор: извините, Алексей Юрьевич, трактор забираем - долги-с. Первую половину фразы сняли, а вторую половину этой же фразы снимаем через семь месяцев... Хоть стой - хоть вой!

Герман, возмущившись: - Ну если точно, четвертый! Мы, дорогая моя, три четверти времени стоим. Месяц-полтора снимаем - и опять в простой. Снимаем сцену - два героя едут на тракторе. Приходит на съемку директор: извините, Алексей Юрьевич, трактор забираем - долги-с. Первую половину фразы сняли, а вторую половину этой же фразы снимаем через семь месяцев... Хоть стой - хоть вой!

- Отборочная комиссия любого фестиваля должна что-то видеть, а мы возможностями показа пока не располагаем... Успех на фестивале - дело, конечно, хорошее. Как сказал один известный француз, можно презирать орден, но лучше презирать их, когда имеешь. Но есть и другая, более близкая мне мудрость одесского анекдота: "Первый пункт устава публич-

занимали позицию "постороннего"..."

Герман разводит руками: - Время, наверное, такое, что поневоле вовлекаешься не в свою область... Мы со Светланой даже приняли тут участие в избирательной кампании в Петербурге!..

- Так любили Собчака?
- Что за глупости! Собчак - не цветок и не женщина. Отноше-

ние с Анатолием Александровичем у меня в последнее время были как раз натянутыми. Но его уход из политики - это не уход болтуна, как я недавно услышал по ленинградскому каналу, а уход личности! Да и оратора, что всегда кое-что значило... Ведь в нашей, похочей на сказки дядюшки Римуса, действительности всех навалом: бандитов и жуликов, хоззяйственников и пророков... А вот кого вовсе нет - так это действующих политиков. О, политики! Мисюсь, где ты!? Были бы политики, не было б Чечни!

Страх плохого кино

Сценарий для режиссера Германа

Кинорежиссер Алексей Герман за свою жизнь выпустил три картины. В брежневском 70-м - "Проверку на дорогах". Фильм пролежал на полке 15 лет. В 77-м - "Двадцать дней без войны". В 81-м - "Мой друг Иван Лапшин".

Герман размышлял о настоящем с отступом в полвека: каждый его фильм, впрямую политики не касаясь, становился событием общественной значимости. Его творчество стало легальным духовным диссидентством - всю жизнь Герман упорно держал оборону в окопе личности.

ного дома - не суесться под клиентом"... Тем более "кухню" фестивальной я знаю - был членом жюри в Канне...

- Но втайне вы, конечно, грезите о золотой пальмовой ветви?

Герман отрицательно качает головой: - Знаете, я очень хорошо помню, как в первый раз услышал от одной московской кинорежиссерши: "Что ж, в сценарии есть неплохие возможности для Венеции..." Это было начало 80-х годов, и для меня это прозвучало очень смешно. Потому что для нас сама возможность поездки на зарубежный фестиваль была чем-то вроде награждения нагрудным знаком "Космонавт СССР". Нам бы картину на экран выпустить, чтобы Госкино не закрыло!.. Мы снимали не для наград. И не потому, что мы такие хорошие. Просто считали: мы обязаны рассказать людям о пленных, о владивостокцах... Мы полагали это своим долгом! Поэтому делали "Проверку на дорогах", "20 дней без войны", "Мой друг Иван Лапшин"... Мы ненавидели всю эту заказную экранную ложь - какие уж тут награды!.. (Вздыхает.) Да, надо спросить... (Оборачивается, кричит.) Света, ну ты досмотрела? Там хоть что-то осталось о Солженицыне?

СЦЕНА ВТОРАЯ

МАЛЕНЬКАЯ уютная гостиная с видом на Марсово поле. Полосатые обои, ампирные кресла, у окна бюро из красного дерева. Герман и корреспондентка в креслах.

Входит жена Светлана - быстрая, маленькая светловолосая женщина в джинсах. Низкий голос и острый взгляд.

Светлана: - Ну, Лешенька, о Солженицыне оставили твою свежую мысль, что он великий писатель, а о Благоевине, разумеется, ничего... (Оглядывается.) Ладно, пойду кофе сделаю. В кино мы с тобой, я так понимаю, уже сегодня не идем?

Корреспондентка хитро: - Ага, то есть вы все-таки туда еще ходите?

Светлана: - Да, вот "Кавказского пленника" хотели посмотреть. Наш друг снял, Сережа Бодров. Но одной идти как-то странно... Вообще мы последние двадцать восемь лет все делаем вместе - за исключением того времени, когда собираемся разводится. Но не разводиться же из-за этого!.. Ладно, пойду за кофе.

Режиссер Герман виновато вздыхает в кресле. (Потягиваясь.) - Так про что я вам, миленький, наговорить-то, значит, должен? Может, про политику?

Журналистка воодушевленно: - О-о-о, как это интересно!!!

Герман уныло: - Да ни хрена не интересно! Просто хочешь - не хочешь, приходится в этом ковыряться...

- И даже вам? Вы же всегда

ния с Анатолием Александровичем у меня в последнее время были как раз натянутыми. Но его уход из политики - это не уход болтуна, как я недавно услышал по ленинградскому каналу, а уход личности! Да и оратора, что всегда кое-что значило... Ведь в нашей, похочей на сказки дядюшки Римуса, действительности всех навалом: бандитов и жуликов, хоззяйственников и пророков... А вот кого вовсе нет - так это действующих политиков. О, политики! Мисюсь, где ты!? Были бы политики, не было б Чечни!

Журналистка беспокойно ерзает в кресле.

Герман: - Есть возражения?! У нас Собчака схрюпали с формулой "да он политик!" И все закивали. Получилось, как у Зоценко: "У одной докторши умер муж. Ну, думает - ерунда. Оказывается - не ерунда!"

- Вы совсем не верите в естественную смену руководства?

Герман задумчиво: - Знаете, в молодости мы любили петь под гитару: "И каждую пятницу, лишь солнце закатится, кого-то жуют под бананом..." На средне-европейский язык это переводится так - "революция всенепременно поедает своих детей"... В принципе из этого и состоит история всех цивилизаций... Можно представить, какая могучая трапеца разворачивалась бы сейчас на просторах нашей необъятной родины, если бы на выборах победил Зюганов!.. Но дискуссия между академиком Лихачевым и Невзоровым, кому стоять во главе Санкт-Петербурга, была решена в пользу Невзорова.

Журналистка мечтательно: - А вдруг новый мэр правда лучше?

Герман: - Да не в том дело! В нашем петербургском застолье (под бананом) уселись рядышком вроде бы непересекающиеся политические направления - коммунисты, националисты, неизвестные и известные демократы, представляющие собой до некоторой степени партию российской интеллигенции, то есть "Яблоко". И кто-то из этой компании выпустил массовым тиражом листовку, на которой Собчаку был пририсован могучий еврейский нос! (Встает, открывает бюро, достает листовку.) Видите?!

Листовка крупным планом. На ней два профиля: слева - Яковлев. Справа - Анатолий Собчак с огромным носом.

Герман, потрясая листовкой: - Господи, всю жизнь stalkиваясь с этой мерзостью! Что может быть узнаваемее в нашей стране? И стишок такой милый, помнится, был: "Два еврея, третий жид по веревочке бежит"... Не то чтобы что-то решала листовочка, но слегка способствовала. Во всяком случае, трясла, трясла передо мной бабка на Марсовом поле этой бумажкой: мол-де вот такая, Юрьевич,

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ГЕРМАН ходит по комнате.

- Были бы вы здесь еще немного, увидели бы съемки последнего кадра "Хрусталева". Как ни забавно, это будет воздушные шары - обычные шары, только покрашенные в черный цвет, чтобы далеко были видны на сером небе...

- Вы на протяжении семи лет делаете одну картину. Для вас как для режиссера акценты изменились?

- Колоссально! Четыре года назад мы были иные, чем сейчас: по-иному смотрели, по-иному чувствовали... Ушли одни страхи - пришли другие. Ушла одна тоска, пришла другая... Но ведь все твоё "я", какой ты сейчас, перетаскивается на пленку! Кабы кино снималось по порядку, было бы полегче - и то ведь нет!.. Сцена та же - а за окном то демократия в России победила, и все в телевизоре от радости в слезах, то Зюганов к Москве подходит, котры за рекой жжет, то Жванецкий с Кабаковым на городской стене с печальными улыбками веревки мылят... Мы снимали про 53-й год, но изначально не хотели опускаться до политики. Хотя у нас фигурируют в эпизоде и Сталин, и Берия. Но неинтересно было рассказывать о них - тиражах. Интересно была смерть физическая, умирание, немощь, страдание и даже благодарные слезы перед лицом самого страшного у существа, перед которым трепещет полмира и наш герой в придачу. Интересно, чтобы вдруг стало жалко умирающего Сталина...

- И вы, по своему обыкновению, скрупулезно воспроизводили реалии?

Герман: - Мы снимали, исходя из того, что времена не выбирают. Ищали форму, чтобы было интересно, - хотели слепить героя, который бы сделал в итоге то, что не сумел и не сумею сделать, например, я... То, о чем мечтало в России как много интеллигентов... Это сюжетное кино. Но только не подумайте, что оно - о Сталине и муках культа. Нет - мы попробовали, касаясь времени, не судить, а рассказывать... Может, это и спасло нас от тоски при изготвлении.

Входит Светлана с кофейником:

- Ну что, утомил он вас? Такой болтун, страшное дело!

Журналистка: - Да нет, мы еще про кино не договорили...

Герман: - А может, не надо?... (Вздыхает.) Вы знаете, если серьезно - что-то мы потеряли. И пока не поймем, то нужно думать... (Качает головой.) Слушайте, давайте все же не про кино. А то знаете старый анекдот? Еврей скачет в атаку, съезжает по крупу лошади назад и кричит: "Эта лошадь кончилась - дайте мне другую!" Для меня лошадь кино кончилась. Надоело. Закончу "Хрусталева" - в театр уйду. В Москву перееду... (Оттирает лоб, устало вздыхает, отхлебывает кофе.)

Журналистка: - Злости больше нет бороться, выжал вас "Хрусталева"?

Герман, задумавшись: - Теперь уж что? Теперь уж все позади - воспоминания можно писать... Как накануне съемки у нас вылетела в форточку ворона, которую мы целый год приручали к нашему главному герою... Или как мы бродили в глухих лесах под Муромом - там выпивки нет, а рельсы все портвейном пахнут... Мы за эти четыре года страну пересекли во всех направлениях!

Журналистка: - Мемуары получаются тем не менее светлыми...

Герман, вздохнув: - Если бы!.. А больные, которых мы в богадельнях снимали - они по утрам приползали здороваться: "Ну как ты, Алексей?"... А товарищи наши, которые не дожили даже до такого пустякового дня - окончания съемок?.. Не говоря уже о скандалах, запретах, постыдных фельетонах в питерских газетах с названиями вроде "Подает ли Хрусталева машину, или Крапленые карты Германа?" Ответаю - машину подал. И карты без наколок оказались... Но (махнет рукой) ни злости, ни даже раздражения у меня - поверьте нет! Не потому, что я добрый, а потому, что на всех моих картинах происходило примерно одно и то же - плюс минус угрозы прокурором... Я уже ничего не боюсь. Раньше было у меня два страха: плохое кино и начальники. Боюсь неприятностей, скандалов с артистами... А теперь остался только один страх - плохого кино...

- В смысле "слава обязывает"?

- Какая слава?! Я вам про славу расскажу вот что. Я в 15 лет пошел поступать в театральный институт. Некоторое время мне удавалось скрывать, что я - сын известного писателя. Доковылял я так до третьего тура, и наверняка меня из-за возраста не взяли бы дальше. Но тут мама куда-то помчалась, хотя клятвенно обещала этого не делать, и приемная комиссия мгновенно ко мне переменялась - приняли... А недавно на театроведческий факультет этого же института поступал мой сын. Я, как водится, пришел - потому что очень за него переживал. Вышла пожилая женщина и сказала: "А-а, Герман! Знаю-знаю!" Я решил: вот она, слава! Но она тут же добавила: "Помню вас, Герман. Вы поступили на режиссерский факультет не по закону и в неприлично раннем возрасте"...

Автор сценария Мария ВАРДЕНГА Фото Валерия Матусова

● РЕКЛАМА

ГАЗЕЛЬ - фургон, тент, изотерм, микроавтобус
ВОЛГА - все модели
ТАВРИЯ, ОКА - все модели, в т.ч. "Формер", "санитарка", "милиция"
УАЗ - все модели
ВАЗ - все модели

ЭКСКАВАТОРЫ: БОРЭС навесное оборудование

КамАЗ - бортовые, самосвалы, тягачи, вездеходы, прицепы
АВТОБУСЫ: ПАЗ, САРЗ, СГТ
ТОПЛИВОЗАПРАВЩИКИ
САМОСВАЛЫ: ЗИЛ-ММЗ
Коммунальная спецтехника
Запчасти и агрегаты ко всей автотехнике оптом и в розницу

Концерн РОСАВТО
 Возможна оплата векселем
 г. Москва (095) 283-42-55, 473-41-09, 567-86-44, 307-02-03
 г. Воронеж (0732) 78-53-23, г. Тюмень (3452) 22-51-15
 г. Брянск (0832) 46-06-84, г. Псков (812) 44-30-97
 г. Бородинка Киев. обл. (0447) 75-36-53